

Саквал

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

Валерия Брайт

Валерия Брайт

Сокол. Право на счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72086386

SelfPub; 2025

Аннотация

Он – тот, кто превратил мою жизнь в руины. Тот, кто сжёг моё сердце дотла, оставив после себя только пепел. Тот, кто ушёл, пообещав не возвращаться.

Но судьба – коварная игра, и теперь она снова свела нас. Только на этот раз мы стоим друг перед другом как два врага, которым суждено сыграть последнюю, самую опасную партию.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерия Брайт

Сокол. Право на счастье

Глава 1

Алина

Сажу на кровати, укутанная в спортивный батник, который принадлежал Роме. Это единственная его вещь, что в попытках я успела взять, с нашей старой квартиры на окраине города. После похорон брата, Сокол буквально приволок меня к себе в дом и оставил в комнате наверху, одну. Пять лет не появлялся в нашей жизни. В один день просто исчез, а сейчас ведёт себя как хозяин моей жизни.

– Черт бы тебя побрал Матвей. Если бы не ты, Ромка был бы сейчас жив!!!

В комнате полумрак, свет от уличного фонаря слабо пробивается через занавески, отбрасывая на стены тени, которые кажутся живыми. Гулкие голоса людей снизу, всё ещё смутно доносятся до меня. Никого из них, кроме Матвея я не знаю. Есть ещё какой-то Егор. Я несколько раз слышала это имя от брата, но лично с ним не знакома. Они все что-то обсуждают, наверное, вспоминают Рому, но я не хочу слышать их слова. Меня душит пустота.

Брат всегда был рядом. С детства. Мы с ним были как

одно целое, он знал мои мысли раньше, чем я успевала их произнести. После смерти родителей он заботился обо мне. Несмотря на то, что он старше меня всего на четыре года, он заменил мне обоих родителей. Его отсутствие теперь невыносимо. Как будто вырвали половину души.

Дверь открывается, и в комнату входит Матвей. Грудь сразу наполняется тяжёлой яростью, которая поднимается всё выше, как пламя, готовое испепелить всё вокруг. Матвей. Тот, кто втянул Рому в свои грязные дела. Тот, кого я всегда ненавидела за то, что он изменил моего брата.

– Что тебе нужно? – резко встаю с кровати, ноги едва держат, но гнев придаёт сил. – Зачем ты притащил меня сюда?

– Алина... – начинает он хриплым голосом.

Но я не даю ему договорить. Сжимая кулаки, срываюсь с места и бросаюсь к нему. Удары один за другим обрушиваются на его грудь. Мои кулаки глухо стучат о его куртку, но я не чувствую ни боли, ни усталости. Только ярость.

– Это ты! – кричу, надрывая голос. – Это из-за тебя его больше нет! Это ты его втянул в свои чёртовы дела! Я всегда говорила ему держаться от тебя подальше, но он тебя слушал, а не меня! А ты просто пропал и оставил его одного со всем этим дерьмом! Ты... Ты во всем виноват.

Матвей не пытается защищаться, только сжимает челюсти и позволяет мне бить его. Его руки остаются опущенными. Мои кулаки болят, но я продолжаю.

– Ты хотел его контролировать, использовать! Ты знал,

чем это закончится, и всё равно втянул его в это! – я ору, не в силах остановиться. – Ты убил его!

– Алина, у меня давно другая жизнь, и это же я когда-то предлагал твоему брату, но он отказался. – тихо говорит он, наконец поднимая руки и аккуратно хватаясь за мои запястья, останавливая мои удары. – Поверь, я тоже хочу знать, кто его убил. Я найду этого человека, клянусь. Рома был мне как брат.

– Брат?! – вскидываю голову, отталкивая его руки. – Он был МОИМ братом, а не твоим! Ты бросил его в эту яму! Если бы не ты, он был бы жив!

– Я ничего не мог сделать, – Матвей сжимает губы, явно пытаюсь успокоить меня, но это только сильнее злит. – Я не был рядом, когда это случилось. Но я разберусь с этим.

– Ты? Разберёшься? – горько смеюсь, сквозь слёзы, которые сами собой начинают катиться по щекам. – От тебя одни проблемы! Убирайся, слышишь? Я не хочу тебя видеть! Ты всегда приносишь боль и разрушения. Исчезни из моей жизни! И отвези меня обратно!

– Будет безопаснее, если ты останешься у меня. Я...

Его слова звучат настойчиво, словно он уже решил за меня. Я сжимаю кулаки, дыхание сбивается от нарастающей злости. Как же он меня раздражает! Вся эта его самоуверенность, этот холодный, невозмутимый взгляд. Он думает, что может так легко вмешаться в мою жизнь после всего, что случилось?

– Мы же как-то жили без тебя всё это время. Ты мне не нужен, слышишь?! – Я резко толкаю его в грудь, вкладывая в этот жест всю силу своего отчаяния. Но вместо того чтобы пошатнуться, Матвей остаётся на месте. Его глаза вспыхивают, и в следующую секунду он резко хватает меня за плечи, сжимая так, что я едва могу вырваться.

– Прекрати истерить! – кричит он мне прямо в лицо. Он смотрит в глаза так пристально, что я чувствую себя пойманной в ловушку. – Я не знаю, кто и почему убил твоего брата, но пока я не выясню всё, ты останешься здесь! Прими это как факт.

Его хватка ослабевает, и он медленно отпускает меня, позволяя сделать шаг назад. Но в груди пылает огонь. Сердце колотится так, словно сейчас выскочит из груди, а мои руки дрожат от подавляемого гнева.

– Ненавижу тебя! – слова слетают с моих губ.

– Сколько угодно! – фыркает он, в голосе едва заметная насмешка, словно ему плевать на мои чувства. Его глаза сверкают яростью, но голос остаётся спокойным, холодным, как сталь. – Но ты должна понять одну вещь, – он делает шаг вперёд, приближаясь так близко, что я чувствую его тепло, – здесь ты в безопасности. А если ты хочешь отправиться вслед за братом, то, пожалуйста, вперёд.

Он резко отступает в сторону, освобождая мне путь. Жест этот настолько внезапный, что я едва удерживаюсь от того, чтобы не броситься к двери.

– Но тогда не прибегай ко мне за помощью, когда Ромкины дружки приставят пистолет к твоему виску, – говорит он с ледяной уверенностью. Его слова, врезаются в мои мысли, заставляя мурашки пробежать по коже. – А если ты думаешь, что твой брат был таким святым, то ты очень плохо знала его.

Слова ударяют по мне, как пощёчина. Я невольно задерживаю дыхание, стараясь переварить то, что он сказал. Как он смеет? Рома... он был всем для меня. А теперь этот человек, которого я ненавижу всем сердцем, осмеливается говорить такие вещи!

– И да, – продолжает Матвей, его голос звучит мягче, но от этого не менее угрожающе, – если тебе так будет легче, можешь винить меня во всём.

Я стою молча, несколько секунд просто смотрю на него, пытаюсь осмыслить слова. В голове пульсирует одна мысль: я действительно его ненавижу.

В полиции сказали, что это ограбление. Но что, если Матвей прав? Что, если человек, убивший Рому, придёт за мной? У меня холодеет внутри, и на мгновение я чувствую себя маленькой и беззащитной. Может, Матвей действительно единственный, кто может меня сейчас защитить?

Я пытаюсь взять себя в руки. Взгляд упирается в пол, и я тяжело выдыхаю.

– Я хочу побыть одна, – наконец произношу.

Матвей кивает, его выражение смягчается, хотя в глазах всё ещё пылает напряжение.

– Если что-то нужно, моя комната прямо по коридору, – говорит он, всё ещё наблюдая за мной, словно надеется, что я передумаю.

Затем он разворачивается и уходит, закрывая за собой дверь. Комната снова погружается в тишину, но теперь она кажется ещё более удушающей.

Глава 2

Матвей

Я, Егор, и еще несколько парней, которые знали Ромео, пошли в его старый любимый бар. Вернее, тот, который был когда-то его любимым местом. Бар уже не тот – вокруг пьяный гул, сигаретный дым застилает потолок, а за стойкой стоит какой-то новый бармен, который даже не знает, кто такой Ромео. Мы садимся за стол в углу, подальше от всех. На столе тусклый свет, который, кажется, лишь подчёркивает мрак в душе. Мы молча заказываем выпивку, каждый погружен в свои мысли. Черт! Ром, ты куда вновь вляпался... В этот раз я никак тебя не смогу вытащить.

В голове тяжело от воспоминаний. Я прокручиваю их снова и снова. Алина права, обвиняя меня. Но она много не понимает и не знает. Для неё всё просто – есть чёрное и белое, и я, по её мнению, всегда был на тёмной стороне. Она не изменилась за всё это время. Та же бесящая, как и пять лет назад. Как только она появлялась в комнате, между нами всегда вставала стена неприязни. Мы как два бойца на ринге, только вечно на разных сторонах.

Я поднимаю стакан и оглядываю компанию. Егор что-то бубнит под нос, наклонившись к своему бокалу. Остальные молча смотрят в пустоту. Никто не хочет начинать разговор, потому что никто не знает, что сказать. Какое тут вообще

может быть слово утешения?

С Ромой мы дружили со школы. Помню, как всё начиналось. Глупые подростковые замашки, вечные шалости и планы на будущее, которые теперь кажутся такими наивными. Алина всегда вмешивалась, всегда цеплялась ко мне, даже когда мы с Ромео были детьми. Ей вечно всё не нравилось. Строила из себя правильную девочку, будто была старше нас на десятки лет. Всегда пыталась нас воспитывать, особенно Ромео. Он для неё был чем-то вроде проекта, который нужно исправить, сделать "идеальным". Она никогда не понимала, что Ромео – не тот, кого можно изменить. Он всегда жил на своих правилах. А я, в её глазах, был только плохим влиянием. После смерти их родителей он заботился о ней. Но она не знала и не видела, что он делал, для того чтобы она ни в чем не нуждалась.

Ромео всегда оказывался между нами. С одной стороны – его сестра, с другой – лучший друг. Он играл роль рефери в этих вечных битвах, пытаясь как-то сгладить углы, хотя это было бесполезно. Но теперь его нет. Был... Этот факт никак не укладывается в голове. Пустота, которая образовалась на месте Ромео, тянет меня вниз, словно чёрная дыра. Несмотря на то, несколько лет мы с ним не общались он всегда был моим другом

– Тяжело, да? – неожиданно говорит Егор, вырывая меня из мыслей.

Я молча киваю. Что тут ещё сказать?

– Так вот ты где? – нежный, почти мурлыкающий голос раздаётся за спиной, и я ощущаю, как меня обнимают сзади. Её тёплые руки скользят по груди, а губы касаются шеи, оставляя лёгкий поцелуй.

– Снежана! – я резко оборачиваюсь, чувствуя, как раздражение начинает подниматься. Её присутствие здесь – совсем не то, чего я ожидал. – Что ты здесь делаешь? Я же сказал, что буду с пацанами.

Она улыбается широко, беззаботно, будто не слышит моих слов. Снежана выглядит ослепительно, как всегда: её волосы свободно струятся по плечам, макияж безупречен, но её глаза затуманены алкоголем. Она машет пальчиками ребятам, словно это её обычное место.

– Мальчики, привет! – радостно выкрикивает она, с улыбкой оглядывая всех за столом.

Парни кидают друг другу взгляды и, не особо скрывая интерес, переключаются на неё. Их реакция меня раздражает ещё сильнее. Я быстро поднимаюсь с кресла, беру её за руку и, стараясь не показать своего раздражения, вытаскиваю её в коридор. Здесь хотя бы тише, но внутри меня всё бурлит.

– Ммм, – протягивает она с лукавой улыбкой, обвивая свои руки вокруг моей шеи, – даже не думала, что ты так скоро оставишь своих друзей. – Её губы тянутся к моим, но я едва успеваю отвернуться. Она на секунду теряет равновесие и смеётся, снова пытаюсь поцеловать меня.

– Снеж, ты чего здесь делаешь? – говорю сдержанно, чув-

ствуя, как раздражение закипает в голосе. – Я сказал тебе, где буду, но не для того, чтобы ты сюда приперлась, да ещё и пьяная.

Она качается, стоя на месте, и её рука соскальзывает с моей шеи, но она тут же цепляется снова.

– Ну, Мась, я соскучилась... – голос её становится жалобным, словно она действительно не понимает, в чём проблема. Её губы касаются моей шеи, следом она медленно поднимается к уху и нежно покусывает мочку.

Её напор начинает раздражать всё сильнее. Я срываюсь, резким движением отстраняю её от себя.

– Иди домой! – говорю сквозь стиснутые зубы. Я пытаюсь сохранить спокойствие, но голос звучит жёстко. – Я завтра к тебе заеду.

Снежана смотрит на меня, слегка покачиваясь, её взгляд всё ещё затуманен алкоголем, а в глазах появляется растерянность, как будто она не понимает, что пошло не так.

– Ну, пойдём сейчас, я скуча... – её голос обрывается, когда она берёт меня за руку и пытается тянуть к выходу.

Раздражение достигает пика. Плюс ко всем проблемам, теперь ещё и с ней возиться. Наши отношения давно потеряли смысл, затянулись больше, чем нужно, а она всё неправильно понимает.

– Всё, – жёстко произношу, вырывая руку, – я вызываю такси, и ты едешь домой. Поняла меня?

Снежана смотрит на меня с явной обидой в глазах, но я

уже не могу больше тратить на это время. У меня нет ни желания, ни сил на сюсюканье. Пальцы быстро скользят по экрану телефона, и через минуту я уже вызываю ей такси. Секунды тянутся медленно. Её рука всё ещё тянется ко мне, но я лишь киваю в сторону двери, давая понять, что разговор окончен.

Когда такси, наконец, подъезжает, я открываю дверь и молча помогаю Снежане выйти на улицу. Её взгляд всё ещё затуманен, ноги неуверенно переступают по тротуару, и она снова тянется ко мне, словно надеясь, что я передумаю. Она что-то бормочет, но я уже не слышу. Мысли путаются, отстранённые от её слов. Мои движения механические: я провожаю её до машины, открываю дверь и сажаю её на заднее сиденье, стараясь не встречаться взглядом. Когда дверь такси захлопывается, и машина медленно трогается с места, исчезая за поворотом, я лишь стою, глядя на задние огни, которые постепенно растворяются в вечернем воздухе.

Тяжесть этого вечера накатывает, как бетонная плита, сдавливая грудь. Вокруг слышны приглушённые шумы города, но для меня они лишь фоном. Всё, что я сейчас чувствую – это усталость, которая давит и тянет вниз. В голове только мысли о том, как всё зашло так далеко.

Возвращаюсь за стол к ребятам, которые остались в баре. Егор сидит, развалившись в кресле, и поднимает на меня глаза, его взгляд полный понимания.

– Всё никак не угомонится? – спрашивает он, чуть при-

подняв бровь.

– Да, – киваю я, пытаюсь отстраниться от навязчивых мыслей. – Спит и видит, как бы окольцевать меня.

Сажусь на своё место и делаю глоток виски, янтарная жидкость обжигает горло, оставляя после себя жгучий след. Чувство горечи распространяется по телу, как горячая лава, растекающаяся по груди. В этот момент алкоголь кажется единственным, что хоть на миг может заглушить внутреннюю боль и смятение.

– Хоть приблизительно знаешь, кто бы мог застрелить Ромео? – спрашивает Кит, его голос звучит приглушённо, словно он не уверен, стоит ли задавать этот вопрос.

– Нет, – трясую головой, пытаюсь избавиться от навязчивого чувства вины. – Ты же сам знаешь, что он перестал общаться со мной пять лет назад. Я даже не знал, что он переехал в свою старую квартиру. Офигел сегодня, когда зашёл туда и увидел, в каком состоянии она. Черт! Почему я допустил эту пропасть между нами? Надо было взять его за шиворот и вытащить...

Я прикусываю губу, чувствуя, как злость на самого себя начинает кипеть внутри. Всё это время я оставался в стороне. А теперь его нет. И эта мысль, эта реальность, просто разрывает меня на части.

– Сокол, это его выбор, – Егор кладёт руку мне на плечо, пытаюсь успокоить. – Ты тут ни при чём. А рыжая бестия, пусть бесится сколько угодно, обвиняя тебя. Мы-то все зна-

ем правду.

Слова Егора не приносят облегчения. Ни на секунду не отпускает это чувство вины, эта боль, которая всё время глохнет меня изнутри. Я должен был сделать больше. Я должен был быть там, рядом с ним, вытащить его из этого дерьма. Но теперь уже слишком поздно.

Глава 3

Матвей

Голова раскалывается, будто по черепу кто-то стучит молотом, и я едва могу открыть глаза. В комнате полумрак, только свет, пробивающийся сквозь щели в шторах, бьёт прямо в лицо, усиливая эту мучительную пульсацию в висках. Первое, что чувствую – это чьё-то тепло. Чьи-то руки крепко обнимают меня, её дыхание тёплым ветром касается шеи. Снежана.

Чёрт.

Я морщусь, пытаюсь сдвинуться, но её хватка крепкая, как удавка. Какого чёрта я здесь делаю? Голова гудит так, что я не могу вспомнить даже, как оказался в её постели. Последнее, что помню, это бар с пацанами. А потом всё, словно в тумане.

Вот идиот! Злюсь на себя, потому что в очередной раз не смог держаться подальше. Осторожно начинаю выскальзывать из её объятий, стараясь двигаться как можно медленнее. Тихо, без резких движений. Надо как-то смыться, пока она не проснулась.

Но не успеваю и половины сделать – Снежана начинает шевелиться, её руки ещё крепче обхватывают меня на мгновение, а потом ослабляют хватку.

– Ммм... доброе утро, – мурлычет она сонно.

Чёрт, не успел.

– Доброе, – бурчу в ответ, стараясь не встречаться с её глазами, поворачиваюсь на бок и выскальзываю из кровати. На полу разбросана моя одежда, и я начинаю собирать её, подбирая джинсы и рубашку. Пытаюсь не смотреть на неё. Всё, что хочу сейчас, – это уйти отсюда как можно скорее, не оставив следов.

Снежана потягивается на кровати, её тело мягко движется под простынями, и я краем глаза замечаю, как она расправляет свои длинные волосы.

– Я сейчас умоюсь и быстренько приготовлю тебе завтрак, – говорит она весело, вставая с кровати и направляясь к ванной. Её лёгкие шаги гулко отдаются в голове.

– Не надо, – бурчу я, застёгивая рубашку и натягивая джинсы. Голос мой звучит грубо, но я не могу сдержаться. – Я всё равно уже ухожу.

Она останавливается на секунду у дверей ванной, бросает на меня быстрый взгляд через плечо. В её глазах мелькает лёгкое разочарование, но она не говорит ничего, лишь кивает.

Я пытаюсь засунуть ноги в ботинки, что валяются возле кровати, но пальцы дрожат, и злость на самого себя только нарастает. Почему я снова здесь? Почему я опять попал в эту ловушку? Каждый раз, когда я думаю, что всё закончилось, я опять оказываюсь в её постели. И это сводит с ума.

– Ну, если что, заходи позже, – говорит Снежана, её голос

звучит слащаво, как будто ничего не произошло, будто всё, что между нами было – это какая-то норма.

– Не зайду, – бросаю в ответ, даже не пытаюсь скрыть раздражение.

– Ну, тогда зайду я к тебе, – она делает несколько шагов ко мне, её ноги мягко ступают по полу, и, прежде чем я успеваю что-то сделать, она снова обвивает руки вокруг моей шеи, притягивая меня к себе.

Её липкая настойчивость просто выводит из себя.

– Мне пора... – хмуро говорю, аккуратно снимая её руки со своей шеи и опуская их вниз.

Вижу, как её лицо меняется, как вспышка обиды появляется в глазах. Её взгляд острый, холодный на мгновение, но я намеренно отвожу глаза, делая вид, что ничего не заметил. Она будет дуться, я это знаю, но сейчас мне просто нужно уйти.

– Ты не видела мой телефон? – спрашиваю на автомате, оглядывая комнату. Мой взгляд быстро находит его на полу у кровати, будто посреди хаоса разбросанных вещей он был единственным островком реальности.

– Нет, – бросает она небрежно, словно ей всё равно.

Я поднимаю телефон, и, не говоря больше ни слова, направляюсь к выходу. Шум её шагов позади звучит раздражающе, как слабый, но настойчивый стук в висках.

– Ты вот так просто уйдёшь? – голос её звучит недовольно, холодно, как плеснувшая в лицо вода. Я чувствую, как её

злость нарастает, но мне это безразлично.

– Мне пора, – повторяю сухо, даже не оборачиваясь.

Дверь за мной тяжело закрывается с глухим стуком, как будто сама квартира выдыхает с облегчением. Оказавшись в подъезде, я на мгновение останавливаюсь, вбирая в лёгкие прохладный воздух. Голова гудит, словно в ней запустили барабанную дробь. Весь мир кажется размытым, каждый звук – шаги, голоса из соседних квартир, шум лифта – усиливает боль в висках. Я пытаюсь восстановить в памяти события прошлой ночи. Вспышки – бар, шумные разговоры, Егор, и наше обсуждение того, что произошло с Ромео. Чёрт, я говорил Егору, что нам обязательно нужно сегодня встретиться. Нельзя просто так оставить это.

Достаю телефон из кармана, но он мёртв. Экран не загорается, разряжен в ноль. Отлично, просто идеально. Весь этот день катится к чертям.

Спускаясь к парковке, я внимательно осматриваю её – своей машины не вижу. Значит, хоть мозгов хватило не сесть пьяным за руль. Это хоть какая-то крошечная радость среди всей этой путаницы. Шумное утро раздражает голову на части – машины гудят, люди шумят, как будто весь мир пытается вогнать меня в ещё больший хаос.

Вдруг замечаю такси, которое только что высадило пассажира. Не теряя ни секунды, подхожу к нему и открываю дверь.

– До центра, – кидаю коротко водителю.

Он поворачивает голову и, поморщившись, отвечает:

– У меня уже заказ, брат. Извини, не могу.

Я чувствую, как раздражение поднимается всё выше, как будто все вокруг только и хотят усложнить мне жизнь.

– Тройная оплата, – говорю холодно, глядя прямо ему в глаза.

Водитель на секунду задумывается, потом, со вздохом, кивает:

– Ладно, садись.

Я молча запрыгиваю в машину и откидываюсь на сиденье, закрывая глаза. Пусть хоть это утро как-то закончится быстрее.

– Эй... уважаемый... – вздрагиваю неожиданности. Открытая глаза. Я, по-видимому, задремал. – Приехали. – говорит мне водитель.

Я смотрю в окно такси и вижу знакомый двор. Глаза слепит яркий свет, пробивающийся сквозь ветви деревьев, и на мгновение мир кажется спокойным, словно ничего не произошло. Я расплачиваюсь с таксистом, выходя из машины с лёгкой тяжестью на душе. Поднимаюсь к себе в квартиру, словно на автопилоте, ощущая, как боль в голове усиливаются с каждым шагом. Первым делом ставлю телефон на зарядку – экран тускло мерцает, сигнализируя, что жизнь в него ещё вернётся, но это займёт время.

Затем направляюсь в ванную. Душ – единственное, что может сейчас привести меня в чувство. Тёплая вода с шипе-

нием стекает по коже, смывая остатки похмельной мутности и раздражения. Я закрываю глаза, позволив воде успокаивать гул в голове. Мысли возвращаются к Алине. Ситуация с ней – головная боль, которая никак не проходит. Её обвинения, её злость, её страх. Всё это мешает мне сосредоточиться, но сейчас нужно быть собранным.

Дом, который я купил год назад, всплывает в голове, словно мимолётная мысль. Тогда Егор присматривал себе жильё, и я пошёл за компанию. Неожиданно мне приглянулся этот небольшой дом – всего три спальни наверху, кухня и гостиная внизу, гараж в подвале. Я сам не знаю, зачем его взял. Не нужен был мне тогда этот дом. Возможно, просто импульс. С тех пор я редко там появляюсь, лишь раз в месяц клининг-команда заходит, чтобы не дать дому обветшать. Зато теперь это идеальное укрытие. О нём практически никто не знает, и для Алины там будет безопасно.

Вытираясь полотенцем, ощущаю, как голова всё ещё гудит, но боль стала терпимой. Я быстро одеваюсь, натягивая тёмные джинсы и футболку, и выхожу на улицу. На этот раз мне нужно поехать к Алине. Надеюсь, она успокоилась после всего, что произошло. Внутри разгорается глухое раздражение – возиться с её истериками у меня нет никакого желания. Но нужно, чёрт возьми, как-то всё уладить.

Добираюсь до дома на удивление быстро. Сегодня никаких пробок, что уже кажется чем-то нереальным. Припарковавшись, я быстро выхожу из машины и направляюсь к до-

му. Вхожу внутрь Тишина. Странная тишина. Поднимаюсь по лестнице на второй этаж и открываю дверь её комнаты, но комната пустая.

Внутри меня всё напрягается. Где она? Я начинаю обходить весь дом, осматривая каждую комнату. Гостиная, кухня, даже ванная – везде пусто. Никого. Моя тревога превращается в злость. Стою посреди гостиной, пытаюсь понять, что произошло.

Что не ясно из того, что я сказал ей вчера?

Я специально закрыл дом, не оставил ей ключа, чтобы она не сбежала. Но дверь была заперта. Как, чёрт возьми, она выбралась?

Слышу, как скрипит входная дверь, и внутри вспыхивает надежда.

– Алина, где тебя... – начинаю, оборачиваясь к входу, но замираю, увидев перед собой горничную.

– Ой, не ожидала вас увидеть, – говорит она, слегка растерянно, прикладывая руку к груди, словно не ожидала меня встретить.

– Это вы... – разочарованно выдыхаю, глядя на неё.

– Да, я вернулась, потому что забыла где-то здесь свой телефон, – объясняет она, осматривая комнату. – Кстати, ваша подруга ушла утром, сразу после того, как я пришла. Я, честно говоря, очень испугалась, думала, что здесь никого нет, а тут она...

– Простите, забыл вас предупредить, – говорю, заставляя

себя говорить ровно. – Девушка не сказала, куда ушла?

– Нет, она вообще ничего не сказала, – отвечает горничная, покачивая головой. – Просто поздоровалась, попрощалась и ушла.

– Понятно. – Внутри меня снова закипает злость, но я сдерживаюсь. – Она будет жить здесь некоторое время. Я как раз хотел с вами созвониться сегодня. Нужно будет, чтобы вы приходили почаще.

Горничная кивает, не задавая лишних вопросов, находит свой телефон на одном из столиков и прощается. Когда она уходит, я выхожу следом и направляюсь к своей машине. Единственное место, куда могла отправиться Алина, приходит мне в голову – квартира Ромы. Если только она действительно туда пошла, я её на месте прибью.

Алина, Ромео, этот чёртов день – всё свалилось на меня разом. ****Чёрт!**** Я даже не знаю, как теперь всё это разгрести. В этот момент замечаю такси, которое останавливается прямо перед домом. Сердце сжимается – из машины выходит Алина.

Она не спешит, оглядывается по сторонам. Неспеша идёт к воротам. Я тут же выхожу из машины, буквально вылетая на неё с нарастающим гневом.

– Ты что, вообще сдурела?! – кричу, не сдерживаясь. Быстрыми шагами приближаюсь к ней, и мне трудно поверить, что она просто взяла и исчезла.

Алина лишь поднимает бровь, слабо усмехается и скре-

щивает руки на груди.

– И тебе доброго дня, – отвечает с насмешкой, как будто моё возмущение ей абсолютно безразлично.

– Какого чёрта?! – я злюсь ещё сильнее от её спокойствия. – Где тебя носило?

Она смотрит на меня снисходительно, явно наслаждаясь тем, как меня бесит её спокойствие. Её глаза сверкнули вызовом, как будто она вот-вот бросится в очередной словесный бой.

– А ты кто такой, чтобы требовать отчёта? – резко бросает она. – Я тебе звонила вчера! А твоя девушка наорала на меня, обозвала проституткой и бросила трубку.

Моя голова начинает пульсировать ещё сильнее, как будто кто-то налил туда кипящую воду.

– Чего?! Какая на хер девушка?! – От возмущения и удивления я буквально теряю дар речи. Кто эта девушка, о которой она говорит?

Алина смотрит на меня с таким презрением, словно я снова умудрился сделать что-то не так, хотя сам не понимаю, что.

– Мне откуда знать? У тебя их столько, что ты даже не помнишь, с кем ночь проводишь?

Смотрю на неё и постепенно начинаю осознавать, о чём она говорит. Снежана. Конечно, это была Снежана.

Чёрт.

– В дом иди, – рявкаю, пытаюсь держать себя в руках, но

чувствую, как ярость поднимается всё выше.

Алина бросает на меня злобный взгляд, полный недовольства, но всё же, скрестив руки на груди, идёт к двери. Я иду следом, чувствуя, стараюсь молчать, но это невозможно. Как же тяжело с ней!

– Ты прежде чем что-то делать, думай своей рыжей башкой! – выплёвываю, не выдержав. Моё терпение на пределе.

Она резко поворачивается ко мне, глаза горят обидой и злостью.

– А ты думал, когда на всю ночь оставил меня здесь одну? Ты просто взял и ушёл, как будто это нормально! Я одна здесь, а ты пропадаешь на всю ночь!

– Я же сказал, что здесь безопасно! – пытаюсь успокоить её, но понимаю, что сам сгораю от злости.

– Мне плевать, что ты там сказал! – почти кричит она, шагнув ко мне ближе. – Я почти всю ночь прислушивалась к каждому шороху! После всего, что ты мне наговорил, я с ума сходила здесь. Одна!

Её слова бьют прямо в грудь. Что она себе позволяет?!

– И ты сбежала, как только появилась возможность?! – гнев накрывает меня с головой.

– Что значит "сбежала"? Я что, пленница? – возмущается она и смотрит на меня с вызовом.

– Алина, ты не пленница, что за бред ты несёшь?! – кричу, шагнув к ней. – Просто я переживаю за тебя, чёрт побери!

– Да ладно? Всю жизнь не переживал, а теперь распере-

живался? – её сарказм колет, как острый нож.

В груди всё сжимается от бессилия. Как объяснить ей, почему я так поступаю? Она твердит свое и всё!

– Алина, твою мать! – выплёвываю, стиснув зубы, чувствуя, как слова рвутся из меня.

– Что? – резко обрывает она. – Если я здесь осталась, то не думай, что вправе управлять моей жизнью! И да, доведу до твоего сведения, а то мало ли ты опять "распереживаешься", у меня есть работа. И завтра в восемь утра я должна быть на работе. Так что, если не хочешь, чтобы я просто ушла, оставив дверь нараспашку, обеспечь меня комплектом ключей. Или я всё же пленница?

Её слова звучат с ядовитой насмешкой, она даже не ждёт моего ответа. Разворачивается на каблуках и быстро поднимается по лестнице, её шаги гулко звучат в пустом доме.

Я стою внизу, стискивая зубы и сжав кулаки так, что белеют костяшки. Смотрю ей вслед и не могу отделаться от мысли: Как, чёрт возьми, мне с ней ужиться?

Глава 4

Алина

Вот зараза! Отчёт ему ещё подавай! Ну спасибо, братишка, удружил мне. Как вообще с этим мудаком можно жить под одной крышей? От одной мысли, что мне придётся каждый день его видеть, всё внутри закипает. Бесит! Плюнуть бы на всё и вернуться в свою квартиру. Пусть старая, пусть не роскошный замок, зато подальше от Матвея.

Жаль только, что страх не позволяет этого сделать. Чёрт возьми! Ещё и на работе сегодня влетело за опоздание. Так дальше продолжаться не может. Каждый день кататься на такси не могу себе позволить, деньги заканчиваются быстрее, чем хотелось бы. Я опускаюсь на кровать, тяжело вздохнув, и закрываю глаза.

Слышу стук в дверь.

– Алина, – голос за дверью заставляет меня напрячься. Но отвечать даже не собираюсь. Пусть катится к чёрту!

Но Матвей всё равно входит. Вот настырный. Сжимаю зубы, не глядя на него. Почему он не может просто оставить меня в покое?

– Чего тебе? – раздражённо бросаю через плечо, так и не повернув головы.

Матвей подходит к кровати и садится рядом. Чувствую его вес рядом и только сильнее напрягаюсь. Его присутствие,

даже молчаливое, выводит меня из себя.

– Сколько можно? – говорит он спокойно, будто его ничто не тревожит. Но это спокойствие только злит ещё сильнее.

Я резко поворачиваюсь и огонь раздражения вспыхивает ещё ярче.

– Сколько можно что? – зло выплевываю. Встаю с кровати, чтобы не сидеть рядом с ним, становлюсь напротив, скрещиваю руки на груди. Господи дай сил! Его невозмутимость ещё больше бесит.

– Огрызаться... Ежиться... Разве мы не можем нормально, спокойно общаться? – его голос спокоен, почти уговаривающий, но для меня звучит, как вызов.

– С тобой? – саркастически поднимаю брови, усмехаюсь и делаю вид, что задумалась. – Дай подумать... нет, конечно.

Отворачиваюсь, но он продолжает сидеть, будто не замечает моего раздражения. Зачем он вообще здесь?

– Что тебе нужно? Ты, кажется, собирался искать убийцу моего брата. Моё воспитание не входило в нашу договорённость, – говорю холодно, не давая ему шанса продолжить разговор на другую тему.

Матвей молча качает головой, будто его вообще ничего не трогает. Затем встаёт, подходит ко мне и протягивает ключ.

– Держи. Завтра утром я отвезу тебя на работу.

Я удивлённо смотрю на него, сжав губы. Вот ещё!

– Я сама, – бросаю в ответ.

– Алина, хватит, – он говорит это настолько спокойно, что

внутри снова всё переворачивается. – Я сам не в восторге от ситуации, в которой мы оказались. У меня нет терпения возиться с твоими капризами. Если не хочешь, чтобы я отвозил и привозил тебя, я дам тебе деньги на такси.

Он говорит так легко, словно ему всё равно, что я сделаю. Либо он действительно устал, либо просто махнул на меня рукой. Я не могу понять.

– Ещё чего! Мне твои подачки не нужны! – вспыхиваю я, делаю шаг вперёд, сердито глядя ему в глаза.

– Серьёзно? – его взгляд тут же меняется, от спокойствия не остаётся и следа. Он сдвигает недовольно брови. – Флористы нынче так много получают, что могут позволить себе каждый день ездить на такси?

Его слова режут по-живому. Но он не даёт мне шанса ответить.

– Завтра в 7 я тебя отвезу, – его голос звучит жёстко, как будто это уже решено, и моё мнение его вообще не волнует.

– Иди к чёрту! – кричу я, не в силах больше сдерживаться. Мне противно от его спокойствия, его уверенности, от того, что он думает, будто всё может решать за меня.

Я резко разворачиваюсь и ухожу в ванную, с силой захлопывая за собой дверь. Чтоб ты провалился, Матвей!

Прислоняюсь спиной к двери ванной, и вздыхаю, чувствуя, как напряжение постепенно отступает. Сквозь дверное полотно слышу, как дверь моей комнаты открывается и закрывается – Матвей ушёл. Внутри накатывает волна об-

легчения, смешанная с усталостью. Зачем он снова появился в моей жизни? Как же я надеялась, что больше никогда не увижу его. После всего... Воспоминания медленно плывут в голове, как удушающие волны.

Подхожу к умывальнику, включаю воду и подставляю руки под струю холодной воды. Она приятно холодит кожу, слегка возвращая меня в реальность. Поднимаю глаза и смотрю на своё отражение в зеркале. Лицо уставшее, мешки под глазами стали ещё заметнее после бессонной ночи. Выгляжу как выжатый лимон. Провожу ладонью по лицу, пытаюсь хоть как-то привести себя в порядок, но усталость на лице говорит сама за себя.

Взгляд падает на блузку. Капец! На ткани виднеется коричневое пятно от кофе, которое сегодня в спешке пролила на себя во время перерыва на работе. Я вздыхаю – как же всё не к месту. Даже одежду не взяла с собой, только спортивный костюм и старый батник Ромки. Мысли возвращаются к тому, как Матвей буквально вытолкнул меня, не дав времени собрать вещи.

Нужно вернуться и взять свои вещи. Решение приходит само собой. Выключаю воду, бережно вытираю руки полотенцем и выхожу из ванной. Переодеваюсь в спортивный костюм, обуваю кеды, закидываю на плечо рюкзак. Всё-таки нужно вернуться за нормальной одеждой, так нельзя.

Спускаясь по лестнице, мысленно надеюсь, что смогу выйти из дома незаметно, но потом понимаю, что если Мат-

вей снова не найдёт меня, то устроит допрос с пристрастием.

Нахожу его на кухне. Матвей стоит, упершись одной рукой в столешницу, в другой держит чашку кофе. Его тёмные волосы слегка растрёпаны, смотрит в никуда, серьёзным взглядом, как будто пытается осмыслить что-то важное. Неохотно открываю рот:

– Я выхожу... – говорю тихо, но стараюсь, чтобы мой голос звучал уверенно.

Матвей медленно поднимает взгляд и смотрит на меня исподлобья.

– Куда?! – его голос звучит строго, почти властно, как будто я ребёнок, который опять натворил что-то не то.

– К себе, – отвечаю я, чуть скрестив руки на груди, показывая, что не собираюсь просить разрешения. – Мне нужны мои вещи.

Матвей хмурится. Его взгляд становится ещё жёстче, и я чувствую, как его раздражение начинает передаваться мне. Он же опять будет спорить.

– Не самая лучшая идея, – произносит он спокойно, но в его голосе сквозит некая угроза, как будто он уже знает, что я не послушаю.

– Я не спрашиваю разрешения, – резко отвечаю. – Я просто ставлю тебя в известность, чтобы ты не отправился искать меня с овчаркой...

Он хмыкает, его лицо на мгновение смягчается, но только для того, чтобы снова стать серьёзным. В его глазах пробе-

гает знакомая решимость.

– Тогда я тебя отвезу, – говорит он, явно не оставляя мне выбора.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он тут же прерывает меня.

– Это не обсуждается, – добавляет он. – Я не спрашиваю разрешения, я ставлю тебя перед фактом.

Он ставит свою чашку в раковину и поворачивается ко мне, показывая рукой на дверь.

– Вперёд.

Я злюсь. Внутри всё бурлит от того, как легко он взял контроль над ситуацией, как будто я опять не могу ничего решить сама. Почему так? Но спорить с ним бесполезно, и я это понимаю. К тому же, до полочки ещё далеко, а деньги на такси уже почти закончились.

Ладно, пусть везёт. В конце концов, это он меня сюда при-тащил, это его идея была поселить меня здесь.

– Ну, давай, – бросаю раздражённо и, не дождавшись его ответа, направляюсь к выходу.

Матвей идёт следом, а я ощущаю, как его присутствие давит на меня.

Глава 5

Алина.

Мы с Матвеем входим в квартиру, и едва переступив порог, меня накрывает волна воспоминаний. Кажется, что в воздухе до сих пор витает запах кофе, который Рома готовил по утрам. В голове всплывают картины: как он смеялся, когда я пыталась убрать кучу его раскиданных вещей, а я все время бурчала и злилась. Как мы сидели вместе на кухне, спорили, обсуждали планы на будущее. Почему-то в памяти всплывает огромное количество позитивных моментов. Хотя было много чего плохого. Особенно последний год. Но все это Я вычеркнула из своей памяти. Все теперь всё это осталось в прошлом.

Я замедляю шаги, едва ли не спотыкаясь о собственные мысли, и останавливаюсь в прихожей, осматривая знакомое пространство. Всё выглядит так, как мы оставили это в последний раз, но теперь это место кажется чужим. Каждый угол, каждая деталь напоминает о Роме, о том, что его больше нет, и с этим уже ничего не сделать. Горечь разливается в груди, тяжёлым грузом оседает на сердце.

Матвей, заметив, что я остановилась, внимательно смотрит на меня, но ничего не говорит. Его присутствие рядом словно усиливает боль. Он тоже был частью этой жизни. Но он просто все бросил и исчез.

Я вдыхаю воздух, чувствуя, как горло сжимается. Моя комната чуть дальше, а вот комната Ромы – сразу напротив, дверь слегка приоткрыта, как будто он вот-вот выйдет оттуда, словно ничего не случилось.

– Ты в порядке? – спрашивает Матвей. Его голос звучит глухо, как будто доносится издалека.

– Нет, – отвечаю я, не в силах сдерживать эмоции. Как я могу быть в порядке? В горле стоит комок, и глаза начинают щипать от накатывающих слёз, но я не могу дать им волю, не перед ним.

– Алина... – Матвей приближается ко мне, его взгляд становится мягче, как будто он тоже понимает, что место это пропитано воспоминаниями.

– Не надо, – отрезаю я, сделав шаг назад, отстраняясь от него. – Просто не трогай меня.

Он замолкает, но не отходит, остаётся стоять рядом. От этого становится ещё тяжелее. Я отвожу взгляд от двери в комнату Ромы и быстро направляюсь к своей. Открываю дверь, и первое, что вижу – это кресло у окна. Когда-то я любила здесь сидеть, завернувшись в плед, читать или просто смотреть на дождь. На нем даже осталась моя открытая книга.

Я вхожу в комнату и беру книгу. Пальцы едва касаются её обложки, как вспоминается, что Рома дразнил меня за мою любовь к чтению, называя меня “его умничкой” с лёгкой усмешкой на губах. Теперь все эти шутки – как нож в

сердце.

Матвей стоит у двери, наблюдая за мной, но не торопится вмешиваться.

– Ромка... – шепчу я, сжимая книгу в руках. Чувствую, как слёзы начинают катиться по щекам. Сжимаю книгу сильнее, словно пытаюсь удержаться за эти моменты прошлого, но они ускользают, как песок сквозь пальцы. Сердце сжимается, а слёзы текут всё сильнее. Сажусь в кресло, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями, и тихо рыдаю, позволяя себе, наконец, дать волю чувствам.

В этот момент раздаётся настойчивый звонок в дверь, резко вырывая меня из моего горя. Я поднимаю голову и смотрю на Матвея, который стоит неподалёку. Он прикладывает палец к губам, приказывая мне быть тише. Напрягается, в глазах вспыхивает серьёзность и тревога. Затем он подходит ко мне, подрывает меня к себе.

– Вставай, – шепчет он, жестом показывая, чтобы я поднялась. Я медленно встаю, стараясь не шуметь. Кто-то снова нажимает на кнопку звонка, теперь ещё настойчивее.

– Посмотри в глазок, – тихо командует Матвей, шёпотом почти в самое ухо. – Только очень тихо.

Я киваю дрожа от внутреннего напряжения, и вижу, как он достаёт пистолет. Мгновенно замираю, испуганно смотрю на него. В голове шумит. Зачем ему пистолет?

Матвей кивает мне, показывая на дверь. Мои ноги дрожат, но я всё же двигаюсь вперёд, медленно, на цыпочках,

стараясь не издавать ни звука. Мои мысли больше не сосредоточены на том, кто стоит за дверью. Я думаю о том, что пистолет в руках Матвея добром не закончится. Чувство страха впивается в грудь, но я делаю глубокий вдох и осторожно подхожу к двери.

Сквозь глазок вижу знакомое лицо, и моё сердце мгновенно успокаивается. Я выдыхаю, плечи слегка опускаются от облегчения.

– Это тётя Клава, – шепчу Матвею. Поворачиваюсь к нему, и он быстро прячет пистолет за поясом, скрывая оружие за своей курткой.

Я открываю дверь, и передо мной появляется соседка, как всегда беспокойная, с тревогой в глазах. Едва переступив порог, она начинает причитать, как ей это было свойственно.

– Деточка моя, – её голос дрожит от заботы, и она тут же обнимает меня, крепко прижимая к себе. Я чувствую её тепло и знакомый аромат её духов, который всегда ассоциировался с домом.

– Здравствуйте, тётя Клав, – говорю я, пропуская её в квартиру. Её присутствие, хоть и внезапное, приносит чувство стабильности.

– Моя ты хорошая, – она снова обнимает меня, – ты где была? Я так переживала, думала, с тобой что-то случилось...

– Я была в гостях, – спокойно отвечаю, пытаюсь удержать слёзы от нового потока. – Всё хорошо со мной, не переживайте. Заходите.

– Нет, я на секундочку, – машет она рукой. – У меня там дочь с внучкой дома. Услышала дверь, так и подумала, что это ты пришла.

Тётя Клава переводит взгляд на Матвея, который стоит позади меня. Его присутствие сразу привлекает её внимание.

– Это Матвей, вы его помните, наверное, – говорю я, стараясь представить его как-то непринуждённо, хотя его хмурый вид говорит сам за себя.

– Конечно, помню, – усмехается тётя Клава. – Как же забудешь... Они тут с твоим братом на весь двор гудели раньше... – Она на мгновение замолкает, прищулив глаза, изучающе смотря на Матвея. – Что-то давно тебя не было, – обращается она к нему.

– Занят был, – коротко отвечает он, холодно, не особо желая продолжать разговор.

– Ммм... – протягивает тётя Клава, явно чувствуя его напряжение, но тут же снова переключается на меня. – Я вот чё пришла... Тут вчера у твою квартиру два мужика неслись как на пожар. Так барабанили в дверь, что я думала, полицию вызвать.

Мои глаза расширяются, и тревога тут же возвращается.

– Кто? – спрашивает Матвей, опередив меня. Его голос резкий, насторожённый.

– Откуда ж мне знать, – вздыхает тётя Клава, – Ромкины дружки, наверное. Наркоманы какие-то...

– Мой брат не был наркоманом! – выкрикиваю я, защищая

Рому. Как она может так говорить о нём?

Тётя Клава мгновенно смущается, видя мою реакцию. Она виновато опускает глаза.

– Ладно, ладно, – смягчает она тон, – я просто хотела тебя предупредить, деточка. Эти парни выглядели очень подозрительно. Будь осторожна, ладно? Не хотелось бы, чтобы ты в неприятности вляпалась...

– Спасибо, я буду, – отвечаю, пытаюсь вернуть себе спокойствие.

– Ну ладно, – тётя Клава вздыхает, снова обнимает меня на прощание. – Если что, я всегда дома. Ты знаешь, где меня найти.

Она уходит, а я стою в дверях, глядя ей вслед. Внутри вновь закипает тревога. Как только дверь за ней закрывается, Матвей тут же поднимает на меня свои насторожённые глаза.

– Ты знаешь, кто это мог быть? – его голос звучит резко. – У Ромео были проблемы с наркотиками? – он продолжает задавать вопросы, от которых мне только становится хуже.

– Нет, конечно! – отвечаю, обиженная его подозрениями. Как он может думать такое о Роме?

Матвей молчит, но его взгляд напряжён. Что теперь? Кто эти люди, и почему они приходят в квартиру Ромы?

Медленно снова вхожу в свою комнату и, едва переступив порог, растерянно останавливаюсь у шкафа. Всё вокруг кажется чужим, будто я попала в какое-то незнакомое ме-

сто, хотя это моя квартира, моя комната. Всё не то и всё не так. Тяжесть пустоты внутри разрастается, давит на грудь. Всё это больше не имеет смысла без Ромы. Как жить в месте, где каждый уголок напоминает о нём?

– Собирайся быстрее, здесь не стоит долго оставаться, – голос Матвея звучит твёрдо, но без лишних эмоций. Он стоит в дверях, опершись плечом о дверной косяк, наблюдая за мной. Его спокойствие раздражает, но не настолько, чтобы возразить ему. Внутри меня будто включается автоматический режим, и я начинаю машинально вынимать одежду из шкафа, бросая вещи в большую спортивную сумку. Каждый мой жест под пристальным взглядом Матвея, и я чувствую это давление, как иголки в спину.

Он просто стоит, молчит, не делает лишних движений. Бесит! Как будто он уже решил всё за нас обоих, как будто ему и не нужно ничего больше обсуждать.

Когда, наконец, сумка собрана, я тяжело вздыхаю и тащу её к выходу. Как только я подхожу к Матвею, он спокойно перехватывает сумку из моих рук, как будто это было само собой разумеющимся. Я не сопротивляюсь, не спорю – просто отпускаю ручки сумки, как будто всё это уже не имеет значения.

Перед тем как выйти из квартиры, на мгновение замираю и бросаю взгляд на приоткрытую дверь в комнату Ромы. Моё сердце сжимается. Господи, как же мне будет его не хватать.

Мы выходим из квартиры, и я запираю дверь, как будто

закрываю за собой целую главу своей жизни. На моих глазах наворачиваются слёзы, и с каждым шагом всё труднее их сдерживать. Я спускаюсь не оглядываясь назад, хотя каждый нерв в теле кричит остановиться, посмотреть, вспомнить.

На улице слёзы текут бесконтрольно. Я не пытаюсь их вытереть – они просто катятся по щекам, одна за другой. Мы молча идём к машине Матвея. Как же это больно – прощаться с местом, где ты провёл всю свою жизнь.

Матвей открывает мне дверцу переднего пассажирского сиденья. Его жест чёткий, но не грубый, как будто даже в его молчаливой жёсткости проскальзывает что-то человеческое. Я сажусь, пристёгиваю ремень, стараясь избегать его взгляда. Он кидает сумку в багажник и, сев за руль, заводит двигатель. Мы трогаемся с места, и я откидываюсь.

Я прислоняюсь к холодному стеклу окна и закрываю глаза, пытаюсь хотя бы на мгновение отвлечься от реальности. Но внутри всё пульсирует одной мыслью: Я осталась одна. Ромы больше нет. Нет больше того, кто всегда был рядом, кто мог поддержать. Открываю глаза и смотрю на проходящие мимо улицы, но они кажутся такими же серыми, как мои мысли.

У меня осталась только Лидка, моя единственная подруга, но и та сейчас уехала на отдых с парнем. Целый месяц её не будет. А я... я остаюсь с Матвеем. Вечно злым, раздражённым, который всё время командует и делает всё по-своему. Но ему не понять, что у меня на душе. Никому не понять.

От этой мысли становится ещё тяжелее.

– Ты как? – голос Матвея вырывает меня из моих мыслей, заставляя открыть глаза. Он звучит глухо, почти нейтрально, как будто ему действительно всё равно, но есть какая-то обязанность задать этот вопрос.

Я не отвечаю. Лишь тяжело вздыхаю, не в силах найти в себе слова. Что я ему скажу? Что всё внутри разрывается на части? Что я едва держусь? Зачем ему это знать?

Я замечаю, что он тянется к бардачку, достаёт оттуда пачку сухих салфеток и, не глядя на меня, протягивает их мне. Зачем? Я не реагирую, не двигаюсь. Просто смотрю на них, не понимая, что делать с этим жестом. Очередное проявление "заботы"?

Он не настаивает, не смотрит на меня, просто ставит салфетки мне на колени. К чёрту твою заботу! Мне прекрасно известно, что тебе плевать. Тебе ведь всегда было плевать.

Я поднимаю глаза и смотрю на него. Его профиль строг, как и всегда. Матвей не изменился за эти пять лет. Разве что стрижка стала короче, а над правой бровью теперь небольшой шрам, который мне не приходилось видеть раньше. Но всё тот же серьёзный, суровый взгляд, который меня всегда бесил, и бесит до сих пор. Он смотрит прямо вперёд, не обращая на меня внимания, но в его позе чувствуется сосредоточенность, контроль над ситуацией. Вечно всё контролирует. Этот взгляд, как будто он знает всё на свете, как будто ему никто не может ничего доказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.